

О «ПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРЕКРАСНОМ ЧЕЛОВЕКЕ» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»*

В статье представлена рецензия на вышедшую в 2016 году книгу доктора философии Н.Н. Соломиной-Минихен (монахини Ксении) «О влиянии Евангелия на роман Достоевского "Идиот"».

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, роман «Идиот», Соломина-Минихен, трактовка идеи и мотивов романа Достоевского, евангельский подтекст.

Книга доктора философии Н.Н. Соломиной-Минихен (монахини Ксении) посвящена выявлению обширного евангельского подтекста романа «Идиот». До отъезда в США и принятия сана она участвовала в подготовке 30-томного собрания сочинений Достоевского. Это академический учёный, один из признанных специалистов-литературоведов, глубокий знаток творческой истории романа.

Автора книги удручает, что появившиеся в последнее время интерпретации «Идиота» расходятся с замыслом писателя. В погоне за «новыми прочтениями» исследователи голословно обвиняют его в безверии и утверждают, что в Мышкине угнездился «сатана, принимающий вид Ангела света». Князь Мышкин произвольно отождествляется им с самим Христом, они обвиняют Достоевского в отступлении от Православия.

Соломина-Минихен самым решительным образом оспаривает «постмодернистские» трактовки романа. «Ознакомление с различными интерпретациями "Идиота", – утверждает она, – неизбежно ставит перед исследователем вопрос: "Что же, в конце концов, хотел сам Достоевский сказать своим романом?"». К сожалению, энтузиасты «новых прочтений», пишущие об «Идиоте», навязывают роману свои смыслы и не уделяют «достаточно внимания даже вдумчивому прочтению его текста, не говоря уж об изучении творческой истории» (с. 10).

Соломина-Минихен анализирует роман с любовью к Достоевскому, с трепетным отношением к художественному тексту. «С авторских позиций» она последовательно раскрывает «вдохновлённые Евангелием творческие устремления писателя» (с. 10). Выявляя евангельский подтекст, она обнаруживает глубокое христоподобие главного героя и убедительно доказывает обоснованность «заявлений о том, что в романе должен был появиться "не князь, а Христос"» (с. 21). В образе Мышкина Достоевский создаёт «светского праведника», «ревностного христианина», о чём свидетельствует творческая история романа. Поэтому

«у нас нет никаких оснований для того, чтобы считать Мышкина символом Самого Христа» (с. 18).

В работах об «Идиоте» нередко проводится аналогия между отношением Мышкина к Мари, которую он любит только христианской любовью, и его чувством к Настасье Филипповне. Автор книги обращает внимание на другое: чувство Мышкина к центральной героине романа дано в развитии. Настасью Филипповну он «очень любил» вначале, но постепенно любовь умерла, в сердце Мышкина осталось лишь сострадание, похожее на «влечение к какому-то жалкому и больному ребёнку». И когда перед свиданием соперниц князь чувствует, что может потерять Аглаю, его сердце в смятении, он с ужасом думает о Настасье Филипповне, которой он теперь уже боится (см. с. 48).

Рассматривая эволюцию чувств Мышкина к Настасье Филипповне и развитие новой, светлой любви его к Аглае, автор книги опровергает широко распространённое мнение, что Достоевский задумал своего героя как существо бесполое, неспособное к земной любви. Неудача «спасения» Настасьи Филипповны объясняется непобедимой гордостью героини. Гордыня порождает настолько глубокий надлом в её душе, что все варианты спасения и «восстановления» оказываются обречёнными на неудачу. Они приносят героине лишь временное просветление.

Обстоятельно раскрывается в книге идея «серьёзного Дон-Кихота». Показывается роль пушкинской баллады о «рыцаре бедном» в художественном контексте романа, её «отголосок» в судьбе тяготеющей к католичеству Аглаи. В болезни князя Мышкина обнаруживается одно из свидетельств его христоподобия. За «гениальной фигурой» Лебедева проступает сам автор – глубокий толкователь Апокалипсиса.

Ключевую роль в художественном мире романа играет, по мнению автора книги, диалог между Ипполитом и Мышкиным. Главным пунктом полемики здесь оказывается проблема веры в Божество Христа и в Его Воскресение как в залог

* Монахиня Ксения (Н. Соломина-Минихен) О влиянии Евангелия на роман Достоевского «Идиот» – СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2016. – 232 с.

вечной жизни каждого человека: «Важно с самого начала иметь в виду, что диалог между Ипполитом и Мышкиным ведётся с противоположных позиций, но на равных основаниях. Ведь князь, больной эпилепсией, хоть и не столь безусловно, как Ипполит, однако совершенно реально осознает возможность грозящей и ему самому близкой кончины. Но в нём отсутствует страх смерти, так мучающий Ипполита, почти сводящий его с ума» (с. 198). Страх смерти неспроста терзает Ипполита. Исступлённое тяготение его к временной жизни связано с утратой веры в вечную жизнь.

Трагический финал романа не подрывает трансцендентного идеала христианской любви, который князь, пленяя сердца читателей, старается принести в мир. Ведь полное осуществление такого идеала свыше сил любого человека. «Трагический конец земной судьбы Мышкина осмыслен, оправдан и освящен Воскресением Христовым, потому что в сердце героя Достоевского жила не только вера в вечную жизнь, но и *опытное соприкосновение с нею уже здесь, на земле*, где вечность начинается

для каждого истинного христианина» (с. 223–224). Н.Н. Соломина-Минихен по-новому раскрывает роль книги Ренана «Жизнь Иисуса» и картины Ганса Гольбейна младшего «Мёртвый Христос» в творческой истории «Идиота».

Таким образом, автор книги убедительно подводит читателей к очень значимому выводу: в романе «Идиот» «сложился весь комплекс религиозно-философских убеждений Достоевского, получивших развитие и углубление в его последующих художественных произведениях и публицистике. Вот почему в позднейшем творчестве писателя так часты переключки со многими строками этого романа» (с. 28).

Книга монахини Ксении привлекает чуткостью к тончайшим оттенкам слова и мысли Достоевского, хрустально чистым языком, свободным от модного ныне терминологического мусора, стройной композицией, которая позволяет полифонически менять ракурсы анализа, чёткими духовными ориентирами, в которых так нуждается современный учитель словесности.